

Тень Востока на жизни и творчестве А.И. Куприна

Марзие Яхьяпур*

Профессор Тегеранского университета, Тегеран, Иран

Натела Хинчагашвили**

Профессор Горийского государственного университета, Гори, Грузия

(дата получения: март 2013 г.; дата принятия: май 2013 г.)

Краткое содержание

Тема «Куприн и Восток» довольно широка. В нашем исследовании мы ограничиваемся конкретной целью: выявить восточные корни происхождения А.И. Куприна, оказавшие влияние на жизненный стиль писателя и объясняющие обращение писателя к восточным темам на протяжении всего творчества. Интерес к Востоку привила А. Куприну его мать, татарка по происхождению. Восточные легенды, мифы и семейные предания, услышанные писателем в детстве, впоследствии трансформировались в его творчестве в сложное переплетение тем и образов. Проекция на восточный фольклор помогала А. Куприну решать эстетические и философские проблемы современности, открывать читателю восточный национальный духовный код, вбирать его базовые ценности, обогащать языковую палитру лексико-семантическими элементами, терминологией, символами, образами и мотивами Востока.

Ключевые слова: А. Куприн, мусульманское происхождение, ментальность, восточные мотивы, восточные ценности, фольклор.

---

* Телефон: 9821-61119120, E-mail: myahya@ut.ac.ir

** Телефон: + 995 57 27 7666, E-mail: natela.sveta@gmail.com

Введение

Довольно полные описания жизни и творчества А.И. Куприна издавались неоднократно в России (Л. Любимов, И. Корецкая, Ф. Кулешов, О. Михайлов, В. Афанасьев, П. Берков, А. Волков, Л. Крутикова) и за рубежом (наиболее значительным трудом, на наш взгляд, является монография английского куприноведа Николаса Лукера (Nicholas J. L. Luker. *Alexander Kuprin. Boston, GKHall, USA 1978*). Вновь обратиться к писателю нас заставило мусульманское (татарское) происхождение Куприна со стороны матери, оставившее определённый след в его жизни и творчестве – вопрос, не вызывавший до сих пор особого интереса у исследователей.

Этимологию своей фамилии писатель объяснял названием реки Купра в Тамбовской губернии, где имел небольшое имение его дед. Отцом будущего писателя был мелкий чиновник – Иван Иванович Куприн, коллежский секретарь, письмоводитель в канцелярии мирового посредника. По воспоминаниям членов семьи, это был человек, не лишенный художественных способностей: играл на скрипке, рисовал (Куприна 1979. 19). В 1871 г. он умер от холеры и молодая жена осталась без средств существования с тремя малолетними детьми. Сыну Александру, будущему писателю, не было ещё и года. Своего отца Куприн вспоминал редко, однако очень часто и с гордостью упоминал род своей матери – Любви Алексеевны Кулунчаковой, татарской княжны из Поволжья, и в своих произведениях, и в частных письмах.

Основная часть

До смерти кормильца семья Куприных жила в городке Наровчат (сегодня это районный центр Пензенской области) на берегу реки Шелдаис, притока реки Мокши. Окрестность, покрытая полями, болотами, и возвышенностями, видимо и дала название городку («нарое» по-мордовски значит «полевые», возможно название шло и от тюркского «чат» — «возвышенность»). Наровчат как мусульманское поселение упоминается арабско-персидскими историками IX–XIII вв. (Абдул-Мундир Гишам ибн-Мухамета аль-Кальби, Жайхани Абу-

Зайд Ахмета ибн-Сахл аль-Балхи Абу-Исхак аль-Фариси аль-Истахри, Абдул-Касыйм Мухамет ибн-Хаукаль), Абу Обайда Абдуллах аль-Бакри, Абу-Абдаллах Мухамет аль-Идрис, Ибн Саид аль-Магриби и др.). Конечно же, история Наровчата началась не только с Золотой Орды: об этом свидетельствуют камни с надписями из Корана и узорами, характерными для персидского искусства IX–X вв.

По утверждению русских, арабских и персидских историков в XIII в. Мокша (Мохша, Нуриджан, Наручать, Наручадь, Наровчат) являлась центром улуса, а уже в XIV в. была столицей Золотой Орды.

В начале XIII в. хан Батый основал государство Золотую Орду. Сюда входили земли будущего Пензенского края. В 1261 г. хан Берке принял в Орде Ислам. На смену монгольскому языку пришел тюркский. Хан Узбек переименовал Нуриджан в Мохши и провозгласил Ислам государственной религией Золотой Орды.

В начале XVII в. населенный пункт возродился как Наровчатское городище. В 1780–1926 гг. Наровчат был уже уездным городом, а с 1926 г. значится как село, административный центр Наровчатского района Пензенской области (Кротков 1923. 31). В нём жили, в основном, мордва и татары-мишары, выходцы из Азии.

Тюркские фамилии в России, обычно, происходят либо непосредственно от имени выходца из Золотой Орды, либо от прозвища. Последующие потомки приобретали новую фамилию по данному прозвищу. Так, например, этимология имени Кулунчак восходит к татарскому слову «колунчак» («колынчак», «колынча»), что означает «стригунок» – годовалый жеребенок. У правнуков Кулунчака прозвище предка стало фамилией.

Род Кулунчаковых имел глубокие корни в Пензенской земле. Генеалогия князей Кулунчаковых восходит к князю Бехану, от которого в XIV в. пошли ветви татарских князей Тенишевых, Кугушевых, Еникеевых, Акчуриных (см. таблицу). Отец Кулунчака Еникей перед походом Ивана Грозного на Казань был назначен начальником сторожевых и станичных служб, строил мосты. За

службу получил от царя земельные угодья. Его сын Кулунчак и стал родоначальником княжеского рода Кулунчаковых.

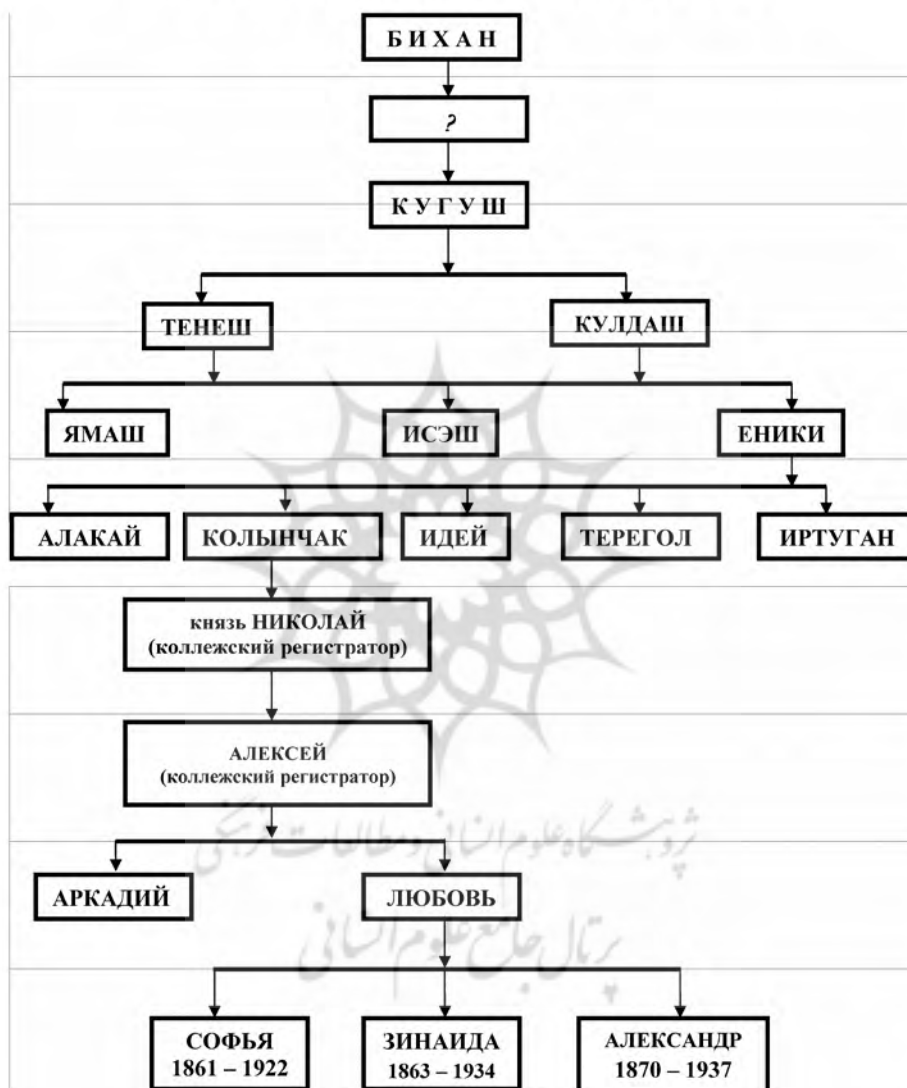
В конце XVII столетия, при царе Алексее Кулунчаков, дед Куприна, имел низший, 14-го класса, гражданский чин по «Табели о рангах». Род князей Кулунчаковых внесен в VI часть родословной книги Пензенской губернии Российской империи. Точные и аргументированные сведения по генеалогии рода князей Кулунчаковых приводятся в 3-м томе издания «Дворянские роды Российской империи» (Наиль Мусин, 2005).

Дочь писателя, Ксения Александровна Куприна, вспоминала: «Отец... считал, что основоположником их рода был татарский князь Кулунчак, пришедший на Русь в XV в. в числе приверженцев казанского царевича Касима – брата казанского царевича Махмубека. Несколько поколений Кулунчаковых жили в Касимове. Во второй половине XVII в. прадеду Александра Ивановича были пожалованы поместья в Наровчатском уезде Пензенской губернии. Согласно семейным преданиям, разорение предков произошло из-за буйных нравов, расточительного образа жизни и пьянства» (Куприна 1979. 19).

Куприн очень гордился своим татарским происхождением по матери. Одно время он даже одевал восточный халат и всюду носил татарскую тюбетейку. В доме писателя в Гатчине на балконе развешался стяг (алэм), на котором нарисован жеребенок на зеленом лугу. В письме И.А. Бунину он объяснял: «Это знамя дворянского духа (жанлыгы) принцессы Кулунчаковой: золотой жеребенок на фоне зеленого луга — это герб» (Бунин 1967. 393-394).

На татарских родовых знаках изображение скакуна часто можно встретить наряду с традиционными мусульманскими символами – полумесяцем, шатром, оружием, всадником. Лексемы «лошадь», «рысак», «скакун», «скачки», «наездник», «всадник», «кавалерия», «кавалерист», «масть», «коннозаводство» периодически встречаются в произведениях писателя. Так, например, герой повести «Храбрые беглецы» упоминает «прекрасные прапрадедовские конные заводы, бабушкины великолепные имения, деревню Щербаковку, село Зубово,

МАТЕРИНСКАЯ ЛИНИЯ РОДОСЛОВНОЙ А.И. КУПРИНА

проигранное буйными предками» (Куприн 1973. 91). Речь идёт о княжеском имени прадеда писателя по материнской линии Николая Алексеевича Кулунчакова, жившего в 150 километрах от Наровчата в волостном центре

Стрельникове. Именно у князя Николая Алексеевича в селе был собственный винокурный завод и большая конюшня, где разводили чистопородных рысаков. Н. Кулунчаков не только поставлял лошадей в царскую армию, но еще и продавал их. Там, в гостях, видимо, и зародилась у Куприна – внучатого племянника князя – любовь к лошадям.

В автобиографическом романе «Юнкера» Куприн приводит воспоминания матери главного персонажа: «...Дядюшка твой, а мой брат, совсем не почтенный Аркадий Алексеевич, был самый отчаянный татарин и самый страстный лошадиный во всей Пензенской и Тамбовской губерниях... он уверял всех, что во мне зарыт талант дикой, неподражаемой и несравненной наездницы... Всегда врал князь Аркадий, как непутёвый, однако, ... был у меня какой-то прирождённый, потомственный дар к лошадям. Я их всегда любила и они меня любили и слушались... Тогда же он с такими же любезными братцами – татарскими князьями, – успел наш прекрасный прапрадедовский конезавод разорить... Поедет он, бывало далеко, в киргизские степи и пригонит оттуда большой косяк тамошних лошадей неуков... На них он и начал развивать мой замечательный лошадиный дар... Уж и что со мной эти киргизы выделяли. Теперь и вспомнить страшно... А уж признаться по правде, должна сказать, что эти Аркашины лошадиные зверства были для меня приятней всякой книжки и слаще всех конфет» (Куприн 1973. 372).

Страстным лошадиным впоследствии стал и сам писатель: "...у меня любовь к лошадям в крови от татарских предков... Я с детства на лошадях по степи гонял, да как!" (Седых 1995. 87). Любитель животных вообще (в творчестве Куприна выделяется цикл произведений о животных), он с особой любовью пишет о лошадях: «Спроси у любого природного всадника о лошади, и он тебе всегда ответит: умнее, добрее, благороднее лошади нет...» (Куприн 1973. 356-357). Генетическая привязанность к лошадям, конезаводам, поездки в степь – всё это нашло отражение в произведениях разных лет. Изображение лошадей («Жокей и лошадь», «Юнкера») выдаёт в писателе знатока и ценителя. Много писал Куприн и о рысистых скачках («Молох», «Поединок»,

«Последние рыцари», «Пегие лошади», «На переломе (Кадеты)», «Удод», «Рыжие, пегие, воронные», «Изумруд», «Париж домашний».

Много места в творчестве Куприна уделено образам мусульман (татар), всегда позитивно отраженным писателем. Почти в каждом произведении на военную тему Куприн рисует забитых муштрой рядовых нерусской национальности, плохо или вовсе не владеющих русским языком и поэтому не способных защитить себя от издевок офицеров (денщик Гайнан («Дознание»), солдаты Мухаммет Байгузин («Дознание») и Камафутдинов («Ночная смена»). На этом фоне Куприн, всегда гневно обличающий произвол начальства в царской армии, рисует портреты татар – офицеров. Это батальонный командир Артабалеvский по прозвищу Берди-Паша («Юнкера»), капитан драгунского полка князь Тулубеев («Последние рыцари»), вызывающие чувство уважения не только у рядовых, но и у начальства: «Отличный народ – татары; все они честны, верны слову, опрятны, смелы, прекрасные, прирожденные всадники и первоклассные воины» (Куприн 1973. 536).

Есть в произведениях Куприна и проходные образы татар, также вызывающие позитивное расположение читателя: бесстрашный сотрудник зоопарка Мемет Камафутдинов («Слоновья прогулка»), красавцы–проводники Меджад, Асан и Мемет («Путевые картинки»), владелец кофейни «Ылдыз» Ибрагим, всегда предоставляющий ночной кров всем городским нищим («Белый пудель»), художник-эмигрант Тарбеев, влюбленный в Восток («Светоч царства»).

Восточные религиозно-нравственные представления, мусульманская вера – нередкая тема творчества Куприна («Аль-Исса», «Демир-Кая», «Судьба»). Всегда осторожно, с особым почтением употребляет писатель лексемы «Аллах акбар», «Инш' алла», «хардаш». Отношение же к самой вере писатель выразил словами персонажа рассказа «Последние рыцари» – боевого генерала русской армии князя Л.: «А до чего прекрасна магометанская вера. Как она удобна, практична, не обременительна и как возвышает человека. Эх, дал маху великий князь Владимир Красное Солнышко, когда из всех религий не

остановился на магометанской! Сделай он так – и мы бы теперь...» (Куприн 1973. 536).

Семейные предания, легенды и мифы, которые в детские годы писатель слышал от матери, сформировали мировоззренческую ориентацию Куприна на восточный фольклор. Первое обращение А. Куприна – писателя к восточному фольклору отмечается в конце XIX – начале XX в. Это явление не было случайным: в системе ценностей этого этапа русской литературы стержневым являлся народно-национальный характер. Нравственная деформация общества как реакция на исторические катаклизмы эпохи вызвала справедливую тревогу у прогрессивных деятелей культуры и требовала выработки спасительной системы нравственных, культурно-эстетических и религиозных норм, вела к необходимости осмысления реальности через традиции фольклора – «живой памяти о прошлом, способной излечить недуги современности» (Барт 1996. 283). Куприна также тревожило разрушение духовных основ общества, обнищание и опошление духа. Отсюда – тоска по яркой, сильной личности, влечение к героическим сюжетам. Так постепенно Восток стал неотъемлемой темой его творчества.

К восточной тематике А. Куприн обратился в поисках этической и эстетической доминанты. Древний Восток, который привлекал его своим величием, мудростью, таинственностью, духовным богатством, открывал перед ним новые возможности в освещении вечных проблем человечества: любовь и смерть («Аль-Исса», 1894 г.), грех и его искупление, нравственное усовершенствование и духовное возрождение человека, осуждение эгоизма и предательства («Демир-Кая», 1906), человек и рок («Кисмет», 1923). Трансформированный восточный фольклорный материал присутствует в произведениях Куприна на уровне авторского идеала, в сюжетах, композиции, системе образов, символике, языке.

Отношение А. Куприна к восточному фольклору эволюционировало, видоизменяясь в зависимости от писательского опыта, меняющейся исторической обстановки, особенностей развития современной русской

литературы. Так, например, в первой из легенд – «Аль – Исса» орнаментальную, экзотическую окраску тексту придает лишь художественная деталь и размеренно-патетическая речь: «Курильницы благоухали ароматами Аравии и Персии... причудливые фонари лили волшебный свет... в золотых клетках качались пестрые священные птицы, шелковые ткани тяжелыми складками одевали стены...» (Куприн 1973. 174).

Во второй легенде – «Демир-Кая» автор усиливает морализаторское начало: восточные религиозные и культурно-эстетические представления признаются им как спасительная система от бездуховности современности. Экспрессивное начало здесь органично соединяется с описательно – эпическим, система же лейтмотивов, рефренов, символов придает повествованию лиричность и элегичность: «...там построишь ты дом с прохладными комнатами, с широкими диванами, с чистой водой в фонтанах для омовений, с едой и питьем для странников, с ароматным кофе и благовонным наргиле для усталых. Зови к себе всех, кто идет и едет мимо, и служи им как последний раб. Пусть твой дом будет их домом, твое золото – их золотом, твой труд – их отдохновением. И знай, что настанет время, когда Аллах забудет твои тяжкие грехи и простит тебе кровь детей его» (Куприн 1973. 309).

В последней легенде цикла – «Кисмет» эпичность и монументальность в рассказе достигается писателем гиперболизацией и патетической речью, интонационно и стилистически звучащей в унисон авторскому голосу: «...когда наступила долгожданная минута, и во всех домах столицы зажглись яркие огни, и изо всех печей потянулись по воздуху чудесные ароматы пилава, жареной птицы и острых приправ, был введен старый нищий в дом знаменитого богача» (Куприн 1973. 299).

Заключение

А.И. Куприн всегда испытывал большой эстетический, философский и мировоззренческий интерес к культуре Востока. Появление восточных

мотивов в творчестве Куприна, традиции использования мусульманских мотивов и компонентов мусульманской ментальности для выражения собственной индивидуальности и ощущения сопричастности к нему объясняются внутренним характером: главная причина влечения Куприна к Востоку, не раз с гордостью отмечавшаяся самим писателем – его мусульманское происхождение, поэтому биографический аспект обращения Куприна к восточной теме способствует проникновению в глубины творческого наследия, пониманию писательского мироощущения. Малоизвестные факты биографии писателя, представленные в статье, позволят постичь глубину смысла и культурного подтекста произведений Куприна с восточной тематикой.

Литература

- Абдуллин И. *Александр Куприн и Амирхан Еники* <http://www.misharlar.ru/kuprin-yeniki.html>, 2012.
- Барт Р. (1996). *Мифологии*. Москва. Изд-во "Сабашниковых".
- Бунин И.А. (1967). *Собрание сочинений. В 9 томах, Т. 9*. Москва. Изд-во «Художественная литература».
- Кротков А. (1923). *В поисках Мохити // Труды общества истории, археологии и этнографии*. Вып. 34, ч. 1. Саратов. С. 31.
- Куприн А.И. (1973). *Собр. Соч. в 9 тт. Т.1, Т.4, Т.6, Т.7, Т.8*. Москва. Изд-во «Художественная литература».
- Куприна-Иорданская М.К. (1960). *Годы молодости*. Москва. Изд-во "Советский писатель".
- Куприна К.А. (1979). *Куприн – Мой отец*. Москва. Изд-во «Художественная литература».
- Макаренко Светлана. *Александр Куприн: «Я сделался писателем случайно...» Попытка биографического эссе*. <http://www.peoples.ru/art/literature/story/kuprin/>
- Наиль Мусин (2005). *Куприн А.И.: Татарские корни*. Москва. <http://tatar.yuldash.com/243.html>, Апрель 2005г.
- Седых А. (1995). *Далёкие, близкие*. Москва. Изд-во «Просвещение».
- <http://www.litra.ru/biography/get/biid/00823171223370538768/>

سایه شرق بر زندگی و آثار الکساندر کوپرین

مرضیه یحیی پور*

استاد دانشگاه تهران، تهران، ایران

ناتلا حینچاگاشویلی**

استاد دانشگاه دولتی گوری، گوری، گرجستان

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۳؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۳)

موضوع «کوپرین و مشرق‌زمین» بی‌شک یکی از موضوعات گسترده است. به همین دلیل در این پژوهش ما هدف خود را به آشکارسازی ریشه‌های شرقی اصل و نسب کوپرین محدود می‌کنیم که بر سبک نویسندگی او تأثیر گذاشته و بیانگر توجه به مضامین شرقی در آثار اوست. مادر کوپرین ریشه تاتاری داشت و او را به موضوعات شرقی علاقه‌مند ساخته بود. افسانه‌های شرقی، اسطوره‌ها و داستان‌های خانوادگی که کوپرین آن‌ها را در کودکی شنیده بود، بعدها با تغییراتی به موضوعات چهره‌های پیچیده و درهم‌آمیخته آثار او تبدیل شدند. فرهنگ عامه شرق به کوپرین در حل مسائل زیبایی‌شناختی و فلسفی معاصر کمک کرد و برای خواننده، رمز معنویت ملی مشرق‌زمین را آشکار ساخت؛ این امر همچنین توجه کوپرین را به سمت ارزش‌های بنیادی معطوف کرد و تنوع زبانی را در آثار او با عناصر لغوی-معنایی، اصطلاح‌شناسی، سمبل‌ها، چهره‌ها و نقش‌مایه‌های مشرق‌زمین غنی ساخت.

واژه‌های کلیدی: الکساندر کوپرین، اصل و نسب مسلمانی، ذهنیت، نقش‌مایه‌های شرقی، ارزش‌های شرقی، فولکلور.

* نویسنده مسئول. تلفن: ۹۸۲۱-۶۱۱۹۱۲۰، E-mail: myahya@ut.ac.ir

** تلفن: +۹۹۵۵۷۲۷۷۶۶۶، E-mail: natela.sveta@gmail.com